

Р. Ф. Тафт¹

Какова роль мирян в Церкви? Миряне и есть Церковь!

Архимандрит Роберт Фрэнсис Тафт, О. И. (1932–2018), профессор Папского Восточного института (Рим) / Archimandrite Robert Francis Taft, SJ (1932–2018), Professor at the Pontifical Oriental Institute (Rome)

Тафт Р. Ф. Какова роль мирян в Церкви? Миряне и есть Церковь! / Перевод З. М. Дашевской // Вестник Свято-Филаретовского института. 2021. Вып. 37. С. 43–73.

DOI: 10.25803/SFI.2021.37.1.003

Вопрос о роли мирян в Церкви закономерно требует пояснений, поскольку миряне суть народ Божий, и они не только «в Церкви», но они и есть сама Церковь. Все различия между мирянами и клириками являются продуктом мысли более позднего времени, о чем свидетельствует данное исследование. В текстах Нового завета и свидетельствах раннехристианской эпохи отсутствует отдельная категория «мирян» как не-клириков или таких членов церковного собрания, которые не имеют призвания и служения, но все члены церковного собрания есть народ Божий (ὁ λαὸς τοῦ Θεοῦ) — как имеющие поставление на особые церковные служения, так и не имеющие его. Решение вопроса осложняется тем, что определение «миряне» не имеет терминологически ясного перевода: термин «лаики» раскрывает значение данного определения лишь отчасти, а именование членов народа Божьего, не имеющих особого церковного поставления, «мирянами» указывает на их стремление жить интересами и установлениями «мира сего». Автору важно показать, что свидетельством о полноте членства в народе Божьем каждого верного является его церковное служение в меру его духовного дара и связанного с ним поставления.

1. Роберт Фрэнсис Тафт, архим., проф., О. И. (1932–2018) — крупнейший историк восточно-христианского богослужения, один из основателей современной литургической науки, автор более 800 научных работ и публикаций в области восточ-

ной литургии. Важнейшие из них — диссертация «Великий вход» (1975), курс лекций «Богослужение суточного круга Востока и Запада» (1986) и многотомный труд всей его жизни «История литургии свт. Иоанна Златоуста». — *Прим. ред.*

Особое значение, наряду с контекстным анализом раннехристианских свидетельств и современных церковных документов, приобретает жанр «повествовательного богословия». Нарратив «повествовательного богословия» позволяет раскрыть путь веры и стремление к освящению жизни пред Богом простых людей, сохраняющих верность своему христианскому призванию. Их жизненное свидетельство о глубоком и преображающем действии Божьем раскрывает, по мнению автора, подлинное место верных членов народа Божьего, называемых «мирянами», в истории церковной святости и их роль в свидетельстве о Христе миру.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: литургика, экклезиология, миряне, народ Божий, лаики, клирики, церковное собрание, молитва, евхаристия, повествовательное богословие.

Посвящение

Те из нас, кому довелось преподавать, знают, сколь многим они обязаны своим учителям, и я всегда стараюсь во всеуслышание засвидетельствовать, чем я обязан своему учителю почившему Хуану Матеосу. Ныне он пребывает там, где нет уже ни печали, ни вздыхания, но только жизнь бесконечная [Taft 2005]. Оба ученых, которым посвящен этот сборник², также были моими учителями: профессор Ханерас³, благодаря его курсу сравнительной литургики в Сан-Ансельмо, многочисленным публикациям и последующим беседам, и дом Николая Эжанде (OSB)⁴, благодаря написанному им, его дружбе и личному примеру. Им я и посвящаю эти скромные размышления с глубочайшим почтением и признательностью.

2. Сборник, в котором опубликована данная статья Р. Ф. Тафта, полностью посвящен дому Николая Эжанде, OSB, и Себастья Ханерасу. — *Прим. ред.*

3. Профессор Себастья Ханерас-и-Виларо — родился в 1931 г. в Испании. Изучал богословие и литургику в Монсеррате, Шеветони (Бельгия), Риме и Мюнхене. Служил профессором Папского Восточного института, Грегорианского университета и Каталанского университета. Член Королевской Академии изящных искусств и главный редактор испанской патрологической серии *Clàssics del Cristianisme*. Проживает в Барселоне. — *Прим. ред.*

4. Дом Николая Эжанде, OSB, в миру Пьер Эжанде (фр. *Pierre Egender*) — французский католический священник. Родился 19 августа 1923 г. в Эльзасе в семье рабочих. Изучал богословие во Фрайбурге-им-Брайсгау и Риме. В 1946 г. поступил в Шеветоньский бенедиктинский монастырь, с 1979 г. по 1995 г. был аббатом бенедиктинского Успенского монастыря в Иерусалиме. В 1982 г. был награжден «Армянским крестом» — высшей наградой Армянской апостольской церкви. Николай Эжанде является автором многочисленных работ о восточных церквях, литургии и экуменизме. — *Прим. ред.*

I. Введение: контекст определяет все

Когда я еще был профессором восточных христианских исследований в аспирантуре Папского Восточного института в Риме, молодежавым и достаточно крепким, чтобы преподавать аспирантам, вынужденным слушать разглагольствования мудреца на склоне лет, я неустанно повторял изречения, благодаря которым, в конечном счете, и стал знаменитым. Одно из них звучало так: «контекст определяет все». Я имел в виду, что ни одно явление не может быть верно понято, если будет рассматриваться вне своего историко-культурного контекста.

Это утверждение более чем справедливо в отношении вопроса, вынесенного в заголовок этой статьи. Вопрос «какова роль мирян в церкви?» был бы непонятен христианам Ранней церкви, под которой мы подразумеваем церковь новозаветного и послепостольского времени, до эпохи вселенских соборов и классической эры святых отцов. В этот самый ранний период миряне не только были в церкви, они и *были* Церковью.

II. Ранняя церковь

Само слово «миряне» означает «народ Божий» (ὁ λαὸς τοῦ Θεοῦ), которым являемся все мы. Нет никаких сомнений, что именно так и обстояло дело в Ранней церкви, прежде чем ее структуры и церковные служения приобрели развитый и закреплённый вид, — процесс неизбежный в таком быстроразвивающемся общественном институте как Ранняя церковь⁵.

Именно народ (ὁ λαός) являл собою Церковь: справедливость данного утверждения легко подтвердить доступными нам источниками раннехристианского времени.

1. Новый завет

В Новом завете, например, ап. Павел сообщает нам^{*1} — и это наиболее раннее из имеющихся у нас свидетельств о евхаристии, — что Церковь *одна*, ее идеал — это *единство*: существует только одна братская трапеза, в которой участвует вся община. Хотя Павел этого не говорит, но обычно предполагается, что стар-

*1 1 Кор 11:17–34; ср. 10:16–17

5. О том, как это происходило, см. блестящее исследование: [Mitchell].

ший в общине председательствовал в богослужебном собрании и возглашал молитву застольного благословения, следуя порядку еврейских трапез⁶. Павел, кажется, именно это и подразумевает в 1 Кор 14, когда пишет:

А если ты будешь произносить благословение духом, то стоящий рядом простой человек как скажет «аминь» на твое благодарение? Ведь он не понимает, что ты говоришь. Даже если твоя благодарственная молитва прекрасна, другой ею не назидается^{*1,7}.

*1 1 Кор 14:16–17

В данном контексте говорить о литургии как о некотором «служении» или «со-служении», которое некая группа «клириков» совершает для других — «мирян», было бы в равной степени тавтологией и анахронизмом, поскольку в то раннее время деление на «клир» и «мир» не было столь жестким. Хотя ап. Павел говорит в 1 Кор 12 и 14 о разнообразии обязанностей и даров на богослужениях, а также о необходимости соблюдать должный порядок в общине^{*2} и во время собраний^{*3}, у нас не складывается впечатление, что община делится на «служителей» и «прихожан». Более того, вся проблема в 1 Кор 12 и 14 заключается в том, что члены собрания становятся участниками действия без должного единомыслия между собою, тем самым вызывая беспорядок и разделения при совершении в нормальном случае единого служения.

*2 1 Кор
12:27–30

*3 1 Кор 14,
особен. 26–40

Итак, главной заботой зарождающейся церкви в отношении евхаристического служения было прежде всего соблюдение единой и неразделенной евхаристии, о чем в целом свидетельствует увещание ап. Павла в 1 Кор 14:23: «Пусть соберется вместе вся церковь». Тема единства также проходит красной нитью сквозь всю Прощальную беседу Христа с учениками в Евангелии от Иоанна^{*4}, ее же мы находим в описаниях раннехристианских церковных собраний в первых главах «Деяний апостолов»^{*5}.

*4 Ин 13:3–16,
34–35; 15:1–12;
17:11, 20–23

*5 Деян 1:14; 2:1,
42–47; 4:32–35;
20:7

Этот отказ разделять носителей церковных служений и народ выражается в отрицании необходимости особых одежд для священнослужителей, которые со временем станут литургическими облачениями. Почти до конца IV в. литургические одеяния епископов и прочих клириков были просто их обычными

6. См. об этом: [Войгер, 78–88].

7. Цитаты из апостольских посланий Нового завета даны в переводе архим. Ианнуария (Ивлиева). — *Прим. ред.*

одеждами, но никак не специальными облачениями [Dix, 399], и даже свидетельство об омофоре как светском и церковном знаке отличия появляется только около 400 г. по Р.Х. [Taft 2004; Taft 2002].

Не следует, однако, полагать, что раннехристианское домашнее богослужение даже во времена гонений, до так называемого Константинова мира 312–313 гг., представляло собой нечто вроде литургически упрощенного богослужения квакеров или амишей. Такие представления — чистая романтизация, как свидетельствует отчет римских властей о захваченном помещении в Сирте в Северной Африке (современный г. Константина в Алжире), в котором христиане собирались на богослужение в период последних масштабных гонений 303 г. В сохранившейся официальной описи захваченного имущества указаны два золотых потира, шесть серебряных потиров, серебряная чаша, семь светильников из серебра, два факела, семь невысоких бронзовых подсвечников со светильниками, одиннадцать бронзовых светильников с цепочками и некоторое количество предметов, не предназначенных для богослужебного употребления, например, одежда, возможно, собранная для раздачи бедным и нуждающимся [Dix, 24–25].

2. Писания мужей апостольских

Даже в виду особых служений и церковных должностей, возникающих в нарождающейся церкви, тот же вопрос нерушимого единства остается первостепенным и для следующего христианского поколения, а именно для мужей апостольских. Обратимся к классическому свидетельству начала II в. сщмч. Игнатия Антиохийского (ок. 35 г. — ок. 107 г.) [*Apostolic Fathers, 186–187, 198–199, 206–207, 238–241*]. В «Послании к Ефесянам» он пишет:

Вы все до единого, поименно, собираетесь сообща в благодати, в одной вере и во Едином Иисусе Христе... и, таким образом, вы со спокойной уверенностью повинуетесь епископу и совету пресвитеров, преломляя один хлеб, это лекарство бессмертия, противоядие от смерти, которое мы вкушаем ради вечной жизни в Иисусе Христе^{*1,8}.

^{*1} *Ign. Ep. ad Eph. 20.2, cp. 5.1–3*

8. Перевод цитат из Писаний мужей апостольских, если не оговорено иное, выполнен З. М. Дашевской и П. С. Озерским. — *Прим. ред.*

В «Послании к Магнезийцам» он вновь напоминает:

Стремитесь все делать вместе в божественном единомыслии: епископ, председательствующий на месте Бога, и пресвитеры — на месте собора апостолов, и диаконы... поскольку им доверено служение Иисуса Христа... Всегда любите друг друга во Иисусе Христе. Да не будет среди вас ничего, что могло бы вас разделить, но будьте едины с епископом и с теми, кто председательствует *¹.

*¹ *Ign. Ep. ad Magn. 6.1–2*

Посему, как Господь ничего не делал без Отца (ибо Он был в единении с Ним)... так и вы не должны делать что-либо без епископа и пресвитеров. Не пытайтесь убедить себя, что сделанное вами в одиночку будет чем-то достойным, но собирайтесь вместе; пусть будет одна молитва, одно прошение, один ум, одна надежда, в любви и непорочной радости, которая есть Иисус Христос, а лучше Него нет ничего. Устремляйтесь вместе к одному храму Божьему, одному жертвеннику, одному Иисусу Христу... *²

*² *Ign. Ep. ad Magn. 7, ср. Ign. Ep. ad Smyrn. 8*

И в «Послании к Филадельфийцам»:

Итак, заботьтесь о том, чтобы участвовать в одной Евхаристии, ибо одна плоть нашего Господа Иисуса Христа, и одна чаша, которая соединяет через Его кровь; один жертвенник, равно как и один епископ, вместе с советом пресвитеров и диаконов, моих братьев и сослужителей... *³

*³ *Ign. Ep. Ad Philad. 4, ср. 6.2*

Так называемое «Послание Варнавы» 4:10⁹ (ок. 70 — 150 гг. по Р.Х.) и Первое послание Климента Римского к Коринфянам (ок. 96 г.) отражают ту же заботу о единстве в разрозненных христианских общинах того времени. Климент настойчиво призывает:

И мы, будучи собраны на одно в согласии, единым устремлением сердца, будем звать к Нему неотступно, едиными устами, и так мы станем участниками его великих и славных обетований *⁴ [*Apostolic Fathers, 91; Clément (SC), 156*].

*⁴ *Clem. Rom. Ep. I ad Cor. 34.7*

Но эти писания выявляют нечто большее, чем продолжение обеспокоенности ап. Павла вопросом единства в Коринфе. К концу первого столетия христианской эры возникла более четко

9. [*Apostolic Fathers, 390–391*]. «Вы не должны отделяться от других, как будто вы были оправданы; но собираясь в одно место, исследуйте, что

прилично и полезно всем возлюбленным вообще» (пер. прот. Петра Преображенского. — *Прим. ред.*) [*Послание Варнавы, 91*].

оформленная структура служений ради поддержания этого единства, что отразилось на порядке совершения богослужений. Председательствующий в собрании служитель, или «первосвященник», находится в окружении других служителей. Эти служители отличны от «мирян» — сам термин впервые появляется именно в это время¹⁰ — благодаря своей роли и месту, которое они занимали в собрании. Если подобный тип устройства еще не стал общепринятым, то Первое послание Климента свидетельствует о его распространении к 96 г., по крайней мере, в Риме и Коринфе:

Нам следует совершать в должном порядке все, что Господь повелел нам исполнять в назначенное время. Он установил, чтобы приношения (προσφοράς) и службы (λειτουργίας) совершались бы с должным старанием, а не с пренебрежением и в беспорядке, но в определенные времена и часы. Где и через кого Он велит их совершать, Он Сам определил Своей высшей волей... Итак, приятны Ему и блаженны те, кто приносит свои приношения (προσφοράς) в установленные часы... Ибо первосвященнику (ἀρχιερεῖ) вверено подобающее ему служение (λειτουργία), и священникам (ἱερεῦσιν) предлежат их обязанности (τόπος), и на левитов (т.е. диаконов — прим. авт.) возложено их дело (διακονία). Лаики (λαϊκὸς ἄνθρωπος) связаны установлениями для лаиков. Пусть каждый из вас, братья, воздает благодарение Богу в должном для него порядке (τάγματι), не преступая предписанных правил для его служения (λειτουργίας)...^{*1} [*Apostolic Fathers*, 99; *Clément (SC)*, 166].

^{*1} *Clem. Rom. Ep. I ad Cor. 40–41.1*

Итак, каждый имеет служение — но у всех оно не одно и то же.

III. Время мира в церкви

В начале IV в. церковь вступает в новую эру так называемого Константинова мира, который знаменуется в 312–313 гг. окончанием преследований христиан и получением ими законного статуса в Римской империи. Константинов мир полагает на Востоке начало эпохе Вселенских соборов и классической патристики.

Хотя к этому времени растущая клерикализация церкви привела к некоторому умалению роли мирян в церковной жизни, их роль в деле молитвы церкви продолжала оставаться определяющей, как следует из «Апостольских постановлений» — наибо-

10. Первое свидетельство — это Первое послание Климента к Коринфянам 40:5, процитированное ниже. Ср.: [Potterie; Faivre].

лее объемного и важного документа этой эпохи, происходящего из Антиохии и датированного приблизительно 380 г. по Р.Х.¹¹ Эта объемная антология была известна как «церковные установления» — своего рода христианский свод правил, описание церковного уклада эпохи. Документ объединил разнородный богословский, канонический, литургический, нравоучительный материал и имеет непреходящую ценность для понимания церковной жизни в этом регионе в данный период времени. Вот что сказано в «Апостольских постановлениях» об экклезиологической важности участия мирян в церковной литургической молитве утром и вечером:

А когда ты, епископ, поучаешь, то приказывай и убедительно внушай народу, чтобы прилежно ходил в церковь каждый день утром и вечером и отнюдь не оставлял собрания, но ходил в оное постоянно, и чтобы никто удалением своим от нее не увечил Церкви и не делал тела Христова без члена; ибо не о священниках только сказано, но и каждый верный о себе должен разуметь сказанное Господом: «кто не со Мною, тот против Меня, и кто не собирает со Мною, тот расточает»^{*1}. Не расточайте же себя вы, члены Христовы, нехождением в собрания. Имея главою Христа, по обещанию Своему присутствующего нам и соединившегося с нами, не нерадите о себе, не отнимайте у Спасителя Его членов, не разделяйте Его тела, не расточайте Его членов, не предпочитайте божественного слова потребностям житейским, но каждый день собирайтесь утром и вечером на пение и молитву в зданиях Господних: утром, говоря Пс 62, а вечером — Пс 140^{*2} [*Апостольские постановления*, 80; *Constitutions (SC)*, 324].

*1 Мф 12:30

*2 *Const. Apost.*
II.59

Первый свидетель о сложившейся богослужебной практике совершать эти часы соборно в начале IV в. — это церковный историк Евсевий (263–339 гг.), с 313 г. — епископ своего родного города Кесарии Палестинской. В «Комментарии на Псалом 64», поясняя стих 9б — по тексту Септуагинты: «Утро и вечер возбудит к славе [Твоей]» — Евсевий пишет, что эти утренние и вечерние славословия следует интерпретировать как «гимны и хвалы», и затем он продолжает:

Ибо то, что в церквях Божьих по всему лицу земли утром на восходе солнца и в вечерний час возносятся Богу гимны, хвалы и воистину божественные

11. Но не из самой Антиохии, ср.: [Pavard, 155–164, также 106, 184–186, 527].

услаждения — это, несомненно, немалый знак Божьей силы. А услаждение Бога — это гимны, возносимые повсюду на земле в Его Церкви во всякое утро и вечер ^{*1}.

^{*1} *Euseb. Com. Psalm. // PG 23. Col. 640*

В данном случае Евсевий говорит о том, что мы назвали бы «приходским богослужением», но никак не о молитве монахов. Утрени и вечерни имеют вовсе не монашеское происхождение, как принято думать. Ответственность за совершение утренней и вечерней молитвы была возложена на всех — как на мирян, так и на монашествующих.

Эти богослужения заключались в ходатайственной молитве старших в собрании о нуждах всех людей и о нуждах церкви, т. е. были действием народа Божьего как «рода избранного, царственного священства» ^{*2}, совершающего свое молитвенное служение (λεητοουργία) за общество, в соответствии с указанием ап. Павла в 1 Тим 2, в котором апостол пишет:

^{*2} 1 Пет 2:9

Но, прежде всего, умоляю просить, молиться, ходатайствовать и благодарить за всех людей, за царей и за всех, кто обладает властью, чтобы мы имели возможность жить тихо и спокойно, в благочестии и скромности. Ведь именно такая жизнь прекрасная и благоугодна Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди были спасены и пришли к познанию истины. Ведь Бог (для всех) один, Один Посредник Бога и людей, Посредник этот — человек Христос Иисус, Себя отдавший в искупление всех. ...Я желаю, чтобы повсюду совершали молитву, воздевая чистые руки без гнева или споров... ^{*3}

^{*3} 1 Тим 2:1–8

Святитель Иоанн Златоуст (347–407 гг.) — свидетель богослужения Антиохии, современного «Апостольским постановлениям», — связывает отрывок 1 Тим 2 с ходатайством церкви в прошениях из утренней и вечерней молитвы христиан в начале и в конце дня. Он пишет:

Что означает «прежде всего» в ежедневном богослужении? Посвященные (т. е. крещенные) знают, как это совершается утром и вечером, каждый день: как мы молимся за весь мир, за царей и всех носителей власти ^{*4}.

^{*4} *Chrys. Hom. I Tim. 2. 6 // PG 62. Col. 529*

В другом месте Златоуст говорит о «великой силе молитвы, возносимой людьми в церкви совместно» ^{*5}, такой силе, которая намного превосходит силу наших индивидуальных прошений. Такие молитвы в конце службы представляли собой связующее

^{*5} *Chrys. Be proph. obsc. 2. 5 // PG 56. Col. 182*

звено между событием богослужения и повседневными заботами, с которыми членам церковного собрания предстояло иметь дело после благословения и отпуска.

Это чувство силы христианской молитвы как единого призвания, обращенного ко всему Телу Христову, постепенно утратило прежнюю остроту. В то же время церковная литургия часов стала восприниматься как удел монашествующих и клира, вплоть до распространения псевдоисторических теорий о монашеском происхождении этих служб, — псевдоисторической концепции, которую мне удалось раз и навсегда опровергнуть в своей работе 1986 г., посвященной истории богослужения суточного круга на Востоке и Западе¹².

Данный вопрос имеет принципиальное значение: основополагающая роль мирян в церкви никак не менее значима, чем роль рукоположенных служителей при совершении церковных таинств, в поклонении Отцу через Сына во Святом Духе. Вот почему II Ватиканский собор в § 2 документа *Sacrosanctum Concilium* от 4 декабря 1963 г. в *Constitution on the Sacred Liturgy* (Конституция о Священной Литургии) дерзнул провозгласить следующее:

Именно посредством литургии совершается дело нашего спасения. Литургия вследствие этого имеет непреходящее значение, благодаря которому верующие могут выразить в своей жизни и засвидетельствовать другим тайну Христа и подлинную природу истинной церкви.

Итак, богослужение, литургия, служение молитвы лежат в основании священнического делания мирян как народа Божьего, они для мирян источник телесных дел милосердия и любви, заповеданных Евангелием, о чем говорится, например, в Мф 25:31–46.

IV. Литургическое обновление на современном этапе

Если мы перенесемся в настоящее время, то увидим, что исконное понимание роли народа Божьего в деле молитвы, которую совершает Его Церковь, было восстановлено в современном

12. Taft R. F. *The Liturgy of the Hours in East and West: The Origins of the Divine Office and its Meaning for Today* (Литургия часов на [христианском] Востоке и Западе: истоки богослужения суточного круга и его значение сегодня) [Taft 1986]. Эта книга

была удостоена первой премии от Ассоциации Католической прессы как лучшая в области теологии в 1986 г.; книга была переведена на итальянский (1988, 2001) и французский (1991) языки.

учении по данному вопросу в католической церкви и церквях, находящихся с нею в общении, а также и в других христианских церквях. Вот основополагающие современные официальные документы католической церкви¹³:

1. Догматическая Конституция о Церкви *Lumen Gentium* II Ватиканского собора, утвержденная папой Павлом VI 26 ноября 1964 г., в особенности глава II, § 9–17: «Народ Божий».

2. Декрет об апостольстве мирян *Apostolicam auctuositatem* II Ватиканского собора, утвержденный папой Павлом VI 18 ноября 1965 г.

3. Пастырская Конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et spes*, утвержденная папой Павлом VI 7 декабря 1965 г. — последний декрет II Ватиканского собора.

Важнейшие документы II Ватиканского собора, восстанавливающие представление о Церкви как Народе Божьем, имели следствием другой великий документ — свидетельство о восстановлении католической традиции, а именно — «Катехизис католической церкви». II Ватиканский собор, конечно, должен рассматриваться не частями, но как единое целое, и потому документы, перечисленные выше, должны быть осмыслены вкупе с другими основополагающими документами, относящимися к нашей теме, и в их числе декреты о служении епископов и священников, декрет об обновлении жизни монашествующих и, в особенности, о литургии, в которой, как мы видели выше, миряне играют ключевую роль.

Даже беглый просмотр «Катехизиса католической церкви» позволяет отметить чрезвычайную важность того обновления, которое произошло в современном католическом богословии, во взгляде на роль мирян в церкви — благодаря II Ватиканскому собору. Эта роль, как и все служения в Церкви, имеет сакраментальную (таинственную) природу, поскольку зависит от данного нам в крещении участия в священстве Христа. Особо следует подчеркнуть именно этот момент — таинство священства называется «крещение», и благодаря ему все мы участвуем в едином священстве Христа. Таинство поставления производит дьяконов, пресвитеров и епископов — не священников. Кандидаты в эти церковные степени уже крещены, и потому они уже суть священники во Христе. Требуется лишь прочитать названия параграфов

13. Документы II Ватиканского собора в русском переводе см.: [Документы]. — Прим. ред.

катехизиса, чтобы в этом убедиться: «Участие мирян в священническом служении Христа» (ККЦ, § 901–903); «Участие мирян в пророческом служении Христа» (ККЦ, § 904–907), «Участие в царском служении Христа» (ККЦ, § 908–913). Ибо, как мы читаем о Народе Божьем в 1 Пет 2:4–10: «Вы — род избранный, царское священство, святой народ, народ Божий».

Вот почему в чине Римской мессы предстоящий пресвитер или епископ призывает: «Молитесь, братья и сестры, дабы моя и ваша жертва была угодна Богу Отцу Всемогущему». И что же это за жертва? Жертва Церкви, которая есть жертва Христа: не много жертв, даже не две жертвы, но единая Христова Жертва, которая есть также жертвоприношение всей Церкви, клира и мирян. Вот почему предстоящий служитель всегда возносит молитву во множественном числе: «Мы молимся, Мы приносим», ибо он есть служитель и уста всех.

Как бывает свойственно всякому обновлению, оно восстанавливает в первоначальном достоинстве Традицию (с заглавной буквы), не потому вовсе, что церковь в истории утратила какой-либо из элементов этой Традиции. Просто вследствие перемещений и изменений времени какие-то вещи оказались задвинутыми в дальний угол, и теперь необходимо обрести их заново, очистив от пыли. Из этого, однако, не следует, что Церковь движется назад, дает «задний ход», или что ее Традиция, как некоторые из наших современников склонны думать, носит избирательный характер, подобно фуршету или «шведскому столу», где каждый может выбрать то, что ему нравится. Напротив, Традиция собирается и накапливается, и потому II Ватиканский собор не есть отказ от Тридентского собора, как некоторые католики, по-видимому, опасаются, так же как Халкидонский собор 451 г. не был отступлением от Ефесского собора 431 г. Ибо церкви Божьи — как католическая, так и православная — навсегда пребывают в Никее, Ефесе и Халкидоне.

V. «Повествовательное богословие»

Позвольте мне проиллюстрировать то, что я пытался сказать о роли мирян в Церкви, несколькими историями. Историями? Казалось бы, какое отношение имеют к этому истории? Самое непосредственное — ибо в своих священных книгах и в литургии Церковь рассказывает нам свою историю. Вот почему несколько десятилетий назад богословы заново открыли для себя

давний богословский жанр, называемый повествовательным богословием, основанный на историях о жизни людей в Боге. Я говорю «заново открыли», поскольку Библия как таковая, от корки до корки, представляет собой антологию историй, и сами евангелия суть «богословие повествования» Иисуса, по которым Д. Стивенсом в 1965 г. был снят фильм *The Greatest Story Ever Told* («Величайшая из когда-либо рассказанных историй»). На протяжении веков христианская литургия претворяла в ритуал это повествование, и монашество Востока и Запада питало свою молитвенную жизнь «историями», или житиями, святых.

1. Православная традиция

Литургическая традиция Византийской православной церкви, например, имела в монашеской практике небиблейские лекционарии или антологии для монашеского чтения и назидания¹⁴. Книга под названием «Менологий» включала в себя многочисленные жизнеописания святых, расположенные в соответствии с датами их календарной памяти или с неподвижным богослужбным кругом церковного календаря. Предназначенный для чтения исключительно на монашеской утренней службе (*утрене*), этот материал, впервые будучи отредактирован в IX в., был пересмотрен Симеоном Метафрастом, т. е. «переводчиком», в конце X в. и обрел окончательную форму при императоре Михаиле IV Пафлагоне (1034–1041) [Taft, Sevcenko; Velkovska, *особен.* 253–254].

2. Католическая латинская традиция

В латинской католической традиции жития святых составляли неотъемлемую часть духовного чтения и молитвы, в основе своей оставаясь тем же, что и *lectio divina*: медитативным, молитвенным размышлением над избранными священными или духовными текстами¹⁵.

14. Сложную историю этих книг я поясняю в книге: Taft R. F. *From Polemicists to Promoters: The Jesuits and the Liturgical Traditions of the Christian East* [Taft 2012], в разделе II.7.

15. См. подробнее: [Taft 2008, 18].

VI. «Повествовательное богословие» недавнего времени

В контексте этого нестареющего, вечно молодого «повествовательного богословия», позвольте мне рассказать вам две недавние истории, которые для меня были поразительным примером, иллюстрирующим роль мирян в Церкви.

1. Среди мусульман и индуистов в Индии: надгробное слово женщине-христианке

Первую историю я узнал из надгробной речи, тронувшей меня до слез. Речь эта была произнесена в прекрасной церкви св. Марии, построенной в неоготическом стиле и принадлежащей иезуитской общине в Бостон-Колледже, одним из моих братьев, молодым индийским аспирантом-иезуитом о. Станиславом Элла. Его мать скончалась в Индии и была по принятому в тех краях обычаю кремирована на следующий день, так что ему было никак не успеть добраться домой и участвовать в похоронах. Свое отсутствие он возместил надгробным словом, рассказав о жизни матери — необразованной женщины-христианки, хозяйки единственного христианского дома в индийской деревушке, жителями которой были мусульмане и индусы. Он рассказал следующее.

«Это несколько ярких эпизодов из жизни моей матери. В свете Евангелия они помогают понять, как она пыталась быть Божьей притчей в своей жизни, во всем богатстве и разнообразии жизненных обстоятельств, воплощая Царство в себе и распространяя его вокруг — исключительно скромно и незаметно.

В октябре 1999 г., после экзаменов по богословию за первый год обучения и перед тем как возвратиться для рукоположения в Провинс, я пригласил своих родителей посетить Дели. Они прибыли туда вместе с моим братом и другими членами семьи, и пять дней мы провели, путешествуя по разным местам: посетили Кутб-Минар, Красный форт (Лал-Кила), здание Парламента, дома Махатмы Ганди, Джавахарлала Неру и Индиры Ганди и, разумеется, мавзолей-мечеть Таж-Махал в Агре. В последний день у нас был праздничный обед с учащимися иезуитского колледжа в Андре, моей родной провинции. Один из них спросил у моей матери: „Как Вам поездка, что Вы видели, что Вам понравилось больше всего?“. Я помню очень живо ее ответ: „Мой сын возил меня по разным местам, показывал такие большие-большие дома...

Я и не скажу, что это были за здания. Но мне одно очень понравилось. Это дом, где находилось много детей“. Мою мать не впечатлили места национального значения или исторической важности. Ей было неважно, что это были за здания, что они собой представляли или значили. Дом, покоровший ее сердце, — „Сишу Бхаван“ — это приют для бездомных детей, попечение о которых несли сестры-миссионерки матери Терезы. Дети мгновенно столпились вокруг нее, как только мы оказались на его территории, и она была тронута до глубины сердца самим их присутствием. В известной мере этот эпизод красноречиво свидетельствует о том, каким человеком была моя мать. Она была очень проста, и для нее были важны только люди.

Вот еще одна иллюстрация: она всегда готовила на дровах, духовка была для нее непостижимой тайной. Однажды в доме у моей сестры, когда та попросила мою мать выключить газовую плиту, она задула газовую горелку, после вернулась и присела на свое место. Разумеется, она не подозревала о том, что газ продолжал вытекать. Моей сестре пришлось попросить мою мать впредь не заходить на кухню, иначе она ненароком может сжечь дом.

Моя мать не умела считать. Она не имела представления о расстояниях; для нее десять миль было то же, что и десять тысяч миль. Когда ее навещали священники, она часто спрашивала у них, виделись ли они со мной и не будут ли они возвращать, если она передаст с ними для меня небольшой гостинец из дома. Ей казалось, что тот священник из близлежащего городка, который ее навещает, непременно должен жить в двух шагах от Бостона, чтобы это сделать! Она была олицетворением наивности в лучшем смысле этого слова, и мы, вся ее семья, ею восхищались.

Такой была моя мать, Инниясамма. Точная дата ее рождения была неизвестна, кроме того, что она родилась осенью 1940 г. и была крещена с именем Шурила-Инниясамма (т. е. Ксавьер Игнатий) 21 ноября 1940 г. Равела, отдаленная деревня, в которой она родилась, относилась к приходу Ширипурама, и священник о. Потиредди Бала Ксавьер записал в приходской книге, что на момент крещения ей было приблизительно два месяца от роду. О датах, пожалуй, достаточно. Ее отец рано умер, когда ей было около 10 лет, и ее мать, моя бабушка, Колукула Мариамма, переехала в новую деревню Реддипалем, за 200 миль оттуда, где незадолго до того обосновались другие ее родственники. Она была

„кули“ (чернорабочей) и трудилась, чтобы прокормить свою семью; вскоре ее дети присоединились к ней. Ни моя мать, ни другие члены семьи никогда не обучались в школе. Соответственно, моя мать никогда не читала газет, не следила за текущими событиями, не смотрела телевизор, не посещала кинозалы, чтобы посмотреть какой-нибудь фильм. Мы изо всех сил пытались отвести ее в кинотеатр, но у нас ничего не вышло. Она преуспела в занятиях ручным трудом, но обучение не давалось ей легко. Монахиня, обучавшая молитвам жителей деревни в то время, когда моя мать была подростком, в 1990-е гг. сообщила мне, какого труда ей стоило преподавать моей матери. Она сказала, что ей потребовались годы, чтобы запомнить „Отче наш“, и эта монахиня, наконец, оставила попытки обучить ее другим молитвам. Со временем мать освоила молитву „Богородица Дева, радуйся“ и смогла присоединиться к членам семьи, чтобы вместе совершать розарий. Тем не менее, она молилась и молитву Господню переживала всем сердцем.

Мой отец, обращенный в католичество выходец из традиционной индуистской семьи, в 1955 г. в Манугонде, соседней деревне рядом с той, где жила моя мать, совершал служение катехизатора. Когда деревенские старейшины Манугонды подыскивали ему невесту, они нашли эту бедную неграмотную женщину, которая никогда не весила больше 50 килограммов. Согласно сохранившейся открытке с приглашением на свадьбу, деревенские старейшины решили дело, и мои родители поженились в мае 1955 г. Через восемь лет они переехали в Нагарам, расположенный около нынешнего региона Бхупалапалли, в отдаленную деревушку среди лесов округа Варангал в индийском штате Андхра-Прадеш. Наша семья была единственной католической семьей в тех местах; ближайший дом, где жили католики, находился за 100 километров. Мои родители жили в этом месте совершенно одни, вдали от родственников и братьев-католиков, в течение сорока четырех лет. Наш дом представлял собой крытую соломой глинобитную постройку размером в одну комнату, а вся деревня напоминала селение из кинокомедии „Наверное, боги сошли с ума“¹⁶.

Нужно было пройти 25 километров до автобуса, чтобы добраться до ближайшего города. Разумеется, путешествия, кото-

16. *“The” Gods Must Be Crazy* (1980) — южно-африканский комедийный фильм.

рые мы предпринимали, были чрезвычайно редкими. „Вдали от обезумевшей толпы“¹⁷, в тех местах жизнь была чрезвычайно проста. За исключением нескольких бедных мусульман, люди в этой деревне были приверженцами индуизма или принадлежали к местным коренным племенам¹⁸. Ежедневные молитвы, семейный розарий, духовные упражнения, чтение Библии и житий святых — вот все, чем мы поддерживали веру в нашей семье. И когда мы перебрались в деревню ближе к городу, священники — друзья моего отца, навестили его ради совершения мессы в те годы только дважды.

Чем могло бы стать Царство Божье в этих обстоятельствах? Как следовало жить и возвещать его? И каким образом простая, бедная и неграмотная женщина, названная в честь св. Игнатия, осуществляла данное ей в крещении призвание, ограниченная четырьмя стенами своего дома на краю заброшенной индийской деревушки?

Вот ежедневный бесхитростный труд мой матери: она вставала ни свет ни заря, доила буйволиц, прибиралась в доме, разбрызгивала смешанную с навозом воду во дворе, набирала в ближайшем колодце и приносила воду домой, наполняла ею емкости, чтобы хватило на целый день для разных забот. Она мыла посуду, стирала белье, собирала в огороде овощи и готовила для нас еду, шла далеко пешком, чтобы накопить травы для буйволов. Мать трудилась на ферме, собирала дрова, подавала к столу пищу, которую готовила с помощью керосиновой горелки (горелку необходимо было каждый вечер чистить и наполнять керосином — у нас дома не было электричества до самого начала 1990-х годов и даже после того, как его провели, случались частые перебои в электроснабжении, которые могли продолжаться от 10 до 15 часов ежедневно). Среди ночи она несколько раз вставала проверить, на месте ли и в безопасности ли куры (их могли похитить дикие кошки, а за яйцами охотились змеи), а также посмотреть, достаточно ли у буйволов сена в яслях и воды в поилках. Эта „многозадачность“ составляла распорядок ее жизни, которого она строго придерживалась на протяжении десятилетий, благодаря чему другие члены семьи могли навестить родственников или принять участие в свадебных торжествах и иных

17. *“Far from the madding crowd”* (1874) — роман писателя Томаса Харди.

18. Наименование «коренные» относится к автохтонным обитателям полуострова Индостан, обитавшим там до того, как индоевропейцы переселились на юг и заняли эту землю.

мероприятиях. Во всякий день, в любое время года она была дома, проявляя заботу о членах своей семьи и о людях, которым требовалась ее поддержка.

При всей своей наивности моя мать была воплощенной щедростью. Она понятия не имела о системе мер и весов: жители деревни приходили к нам купить молока или йогурт (мы не догадывались, что по сегодняшним стандартам все это было натуральным и „биологически чистым“), и ее покупатели обыкновенно получали больше, чем тот объем, за который заплатили. Та же история повторялась с овощами из нашего огорода: то, что она взвешивала, значительно превышало свою стоимость, однако той семье, которой это требовалось, оказывалось вполне достаточно. В результате тех, кто просто получил из ее рук молочные продукты или овощи, было значительно больше, чем покупателей.

Наш дом был последним на краю деревни. Поскольку мы принадлежали к „чуждой религии“, мой отец не мог поселиться на улице, где жили представители высшей касты, несмотря на то, что мы сами были из этой касты. Напротив, он жил на краю деревни за теми улицами, где жили „неприкасаемые“ и представители так называемого коренного населения. Неподдалеку от нашего жилища проживала группа мусульманских семей. От нашего дома до горизонта простирались обширные полузасушливые земли. На нашем участке росли старые деревья махуа с тенистыми кронами; люди собирали цветки с этих деревьев и варили из них подобие алкогольного напитка, а наш открытый колодец был ближайшим, к которому эти люди приходили за питьевой водой. Никаких изгородей между участками не было, и люди шли со своих полей через нашу ферму к этому колодцу, чтобы утолить жажду и отдохнуть под нашим манговым деревом. В летние месяцы семьи кочевников вместе с разряженными быками ходили от двери к двери, прося подаяние, и неделями стояли под нашим манговым деревом. Они делили с нами наш участок и воду из колодца, и их дети прибегали к моей матери за едой, которую она неизменно им давала. После долгого пешего пути, перед тем как перебраться в палаточный лагерь для ночного отдыха, пастухи останавливались у нашего колодца, чтобы напоить своих овец.

Этот рассказ характеризует обстановку и позволяет оценить ту перемену в столь многослойном индийском социокультурном контексте 1970-х — 1980-х гг., которой содействовала моя мать. Она не только позволяла людям из низших каст и даже

тем, кто был изгнан из своих каст, в особенности неприкасаемым и туземцам, черпать из нашего источника; она также позволяла им использовать нашу бадью и веревку, чтобы достать воду. Это было в те времена, когда из-за страха „оскверниться“ многие представители высших каст не подпускали никого к своим колодцам и приходили за водой со своей бадьей и веревкой. Помимо этого, она позволяла неприкасаемым в нашем доме пользоваться с нами одной посудой — столовыми приборами и стаканами для воды — непростительный акт предательства для приверженцев кастовой системы. Коснуться такого человека и позволить прикасаться к себе в данной системе координат требовало подлинного пророческого видения. Поскольку представители всех каст начали пользоваться этой бадьей у нашего колодца и общими стаканами для воды, классовые барьеры и границы ритуальной чистоты понемногу стирались, и моя мать играла в этом процессе ключевую роль, возможно, ни о чем не подозревая. Ее вера давала ей свободу и уверенность поступать в соответствии со своей верой: воистину, как дети Божьи мы все равны и все мы в равной степени имеем доступ к таким ресурсам, как вода, пища или тень. Приглашая индуистов, мусульман и неприкасаемых в наш дом разделить общую пищу и кров, позволяя им встречаться друг с другом и открывать друг в друге лучшее, она, никак не выделяясь среди других, преображала отношения людей между собой...

Жизнь моей матери можно уподобить библейскому горчичному дереву. Она верила в Бога, проживая свою жизнь под покровом Его промысла, и видела людей просто как людей, без каких-либо ярлыков. Она встречала их, заботилась о них и любила их. Она могла не знать грамоты, жить просто и безыскусно, но была щедрой и гостеприимной. Она воплотила в жизнь полученное ею в крещении призвание и стала действенным свидетелем веры, надежды и любви».

Ну и ну! Если вы сочтете, что эта история — не «повествовательное богословие» о том, как быть верным христианином в совершенстве, то «двойка» вам и придется отправиться на школьную скамью повторять начала катехизиса! Когда я показал то, что написал, о. Стэну, он ответил, что радуется тому, «...что история его матери стала частью... доклада на конференции». «В самом деле, — продолжил он, — по-своему, моя мать была лицом церкви, или самой Церковью, если угодно. Многим она возвестила Евангелие своей собственной жизнью — благодатной жизнью —

и добротой любящего сердца. Благодарю Вас за то, что рассказали о ней. Она вряд ли могла ожидать чего-либо подобного, это стало бы для нее большим сюрпризом!»

Однако меня самого ожидал куда больший сюрприз, отец Стэн! Мне была оказана честь через Вас познакомиться с Вашей матерью, которая была святой! Шурила-Инньясамма была простой и неграмотной женщиной, но она точно знала, в чем сущность христианства, и она осуществляла его на практике без смущения, стыда и нерешительности перед лицом наиболее несправедливой социальной системы из всех, известных на земле, — вызывающем отвращение кастовом устройстве общества, которое приговаривает «неприкасаемых» к вырождению, жизни в изоляции, бедности и унижении. И одна христианская женщина отказалась мириться с этим. Каждый человек, включая неприкасаемых, имел возможность не только пить из ее источника, но также пить из ее бадьи для воды и посуды для питья. Ибо она знала, что все люди — дети Божьи, без различия и исключений, основанных на случайных обстоятельствах рождения, кастовой принадлежности или иных пагубных различиях, навязанных другими людьми. Она знала, что они не осквернены и не несут в себе нечистого, но все в равной степени являются возлюбленными чадами Единого Бога всех людей. И в довершение всего, вопреки этой кастовой системе, ее сын стал священником-иезуитом и получил ученую степень в частном университете Бостона!

2. Урок служения среди эскимосов Аляски

Эта история рассказана моим собратом, другом и коллегой, литургистом и ученым, о Брюсом Морриллом, О.И., профессором кафедры Эдварда Мэллоя по римско-католическим исследованиям университета Вандербильта. Вот что он пишет¹⁹:

«Обновление помазания болящих в Католической церкви — это непрекращающиеся усилия по спасению этого таинства от его собственного недуга, а именно — трактовки его как „предсмертного помазания“... Обряд, в том его виде, как он совершается

19. См.: [Morrill 2012a], также доступно на ресурсе WWW.BC.EDU/CHURCH21. Среди работ о Брюсе Моррилла укажем книгу *Divine Worship and Human Healing: Liturgical Theology at the Margins*

of Life and Death [Morrill 2009] и недавно вышедшую работу *Encountering Christ in the Eucharist: The Paschal Mystery in People, Word, and Sacrament* [Morrill 2012b].

после II Ватиканского собора, вытеснил бывшее прежде механическое отношение к помазанию как действию с символическим значением и целью... что вновь придало этому таинству значение исцеления; признание Божественного действия через открытую человеку систему символов, являющуюся частью более широкой таинственной реальности единства веры в христианской общине... частью пастырского попечения о болящих и людях пожилого возраста. То, как божественная благодать становится осязаемой реальностью пастырской практики в совершении этого таинства, является в неповторимой истории каждой человеческой личности. Хочу предложить вам показательный пример из моего собственного пастырского опыта, позволяющий проникнуть в богословие этого прекрасного чина.

Начиная с 2000 г. я время от времени служу в деревне эскимосских юпиков в районе города Хупер-Бэй на Аляске у побережья Берингова моря, проделывая длительное путешествие на Пасху или на Рождество и святки из Бостона, насколько мне позволяет университетское расписание. В течение последних десяти лет я совершил семь подобных путешествий, и каждое занимало около десяти дней. Постепенно у меня установились тесные связи со всеми жителями этой деревни от мала до велика, которых было едва ли больше 700. Эта деревушка располагается на возвышенности среди тундры, внизу расстилаются извилистые болотные топи, продуваемые всеми ветрами с Берингова моря; жизнь людей, пропитанная местными традициями, постоянно балансирует едва ли не у черты бедности, на узкой полоске между первобытным миром и постоянно наступающей культурой потребления, насаждаемой средствами массовой информации. Тем не менее, одной из неизменных ценностей юпиков остается почтение к людям пожилого возраста и забота о них. Эта история посвящена одной из таких старик, женщине 80 лет, я буду называть ее Марией.

Мое недавнее путешествие на Страстную седмицу и Пасху в одну такую деревушку было столь длительным впервые за несколько лет... Я, однако, поддерживал связи с одной семейной парой — наиболее активными членами этого прихода; они общались мне о тех, кто скончался в минувшем году. За день до праздника Входа Господня в Иерусалим я прибыл в эту деревню, и весть о моем появлении быстро распространилась; вечером того дня я отслужил мессу при участии примерно дюжины человек. Перед началом я осведомился о семьях тех, кто отошел ко

Господу, и о состоянии здоровья пожилых прихожан, в особенности о Марии. Я уже знал, что двое из недавно почивших — это брат и сестра Марии, но был глубоко потрясен известием, что третья скончавшаяся — это одна из ее дочерей... „Да, верно, — уведомил меня руководитель приходских служителей, оказывающих помощь в причащении мирян, не имеющих возможности выйти из дома, — Мария по-прежнему проживает в своем доме, в состоянии принимать гостей и пастырский визит пойдет ей безусловно на пользу“. После мессы я взял дароносицу и богослужебное последование „Пастырское попечение о болящих“ (*Pastoral Care of the Sick*) и отправился в дом к Марии, расположенный неподалеку.

Как это принято в деревнях юпиков, в доме Марии четыре поколения обитали под одной крышей, в тесной, ветшающей постройке из сборных конструкций с кухней, общим пространством посередине и парой жилых комнаток в каждом торце. В тот вечер я застал в гостиной представителей всех поколений: сына Марии Павла, мужчину в возрасте за 50 лет, вдовца — он занимался приготовлением ужина вместе со своей дочерью; ее сынишку-карапуза, который играл рядом на полу; племянницу Павла и еще одну девушку-подростка, трапезничающих за столом; брата перед телевизором и, наконец, саму Марию, которая сидела с краю на кушетке. Она очевидно сдала за последние пару лет, ее здоровье подтачивал остеопороз (позже Павел заметил: „Моя мама все уменьшается!“), она похудела, стала хуже видеть и слышать, но еще могла сама передвигаться, опираясь на ходунки. Все меня поприветствовали, но Мария поначалу меня не признала... тогда Павел указал ей на мою фотографию пятилетней давности, висевшую на стене, и тогда в глазах вспыхнул огонек — Мария узнала меня. Она улыбнулась и пожала мне руку все еще крепким рукопожатием, несколько раз повторив „благодарю Вас“ на юпикском наречии.

Как и многие здешние пожилые люди, в том числе и ее почивший муж Яков, Мария никогда не изучала английский язык. Мария не без труда добралась до стола и как настоящая глава семейства отдавала распоряжения сыну и внучке, чтобы накрыли мне ужин. Трапезничали мы все вместе, и Павел служил переводчиком своей матери в разговоре со мной, наша беседа постепенно перешла к тягостным размышлениям о недавнем уходе близких людей... Ее лицо стало скорбным, и Павел сказал, что она хотела бы поговорить об этом подробнее. Ей не давали покоя две вещи: о чем ей

следует молиться в эти предстоящие дни Страстной седмицы и почему Бог продлевает дни ее земной жизни, хотя и ее дочь, и брата, и сестру, и тремя годами ранее мужа Он призвал к Себе, а ее, вот, оставил. Я понимал, что сейчас не тот момент, чтобы удаляться в отвлеченные рассуждения; напротив, необходимо свидетельство. И, слава Богу, мне было чем поделиться с Марией.

Я попросил Марию вспомнить тот день, когда мы впервые встретились в мой самый первый приезд в эту деревню шесть с половиной лет тому назад. Окормлявший эту область священник-иезуит, рассказывая мне о том, как он служит, заметил, что после вечерней мессы он время от времени посещает с запасными дарами одну пожилую семейную пару: Яков и Мария прежде всегда участвовали в богослужении, но теперь не выходят из дома. Я присоединился к нему и посетил их дом в первый же вечер; а когда днем позже он отбыл в расположенные поблизости деревни, я решил, что буду посещать их дом ежедневно, пока там нахожусь. Мария была слаба (прихрамывала из-за старой недолеченной травмы ноги), однако сохраняла острый ум; Яков же, который был десятью годами старше, перенес инсульт, последствия которого сказывались в речи и при ходьбе. Бедная в материальном отношении жизнь: переполненные людьми комнаты, в которых ютятся несколько поколений; незнание стариками английского языка и жизнь на полном иждивении у собственных детей (они служили старикам также и переводчиками) — все это я видел и прежде, в период своего служения в аналогичной деревушке двумя десятилетиями ранее. Вместе с тем, в самом начале нашего знакомства меня глубоко впечатлила благоговейная почтительность, глубокое смирение и искренняя *радость*, с которой эта пожилая пара приступала к святым Христовым таинствам. Много лет тому назад они запомнили на английском языке ответные реплики в диалогах мессы, которые также используются в чине причащения. После краткого чтения из Писания и начальных молитв верных, которые прочитывал я, Мария всегда возносила просительные молитвы на юпикском языке, а затем и старики, и все собравшиеся члены семьи — сколько бы их ни было — вместе читали Молитву Господню на своем родном наречии. После я преподавал Святые таинства пожилой чете и Саре, которая тогда в основном и ухаживала за ними, и, может быть, еще кому-то, затем мы молились в молчании, а потом следовало благословение и приветствие мира, которым обменивались все члены семьи, независимо от того, участвовали они в службе или нет.

Первоначально мое пастырское служение заключалось в том, чтобы молитвенно направлять их при совершении обряда, исполняя все то, что церковь делает в подобных случаях, однако объединяющий опыт предания и содействовал укреплению веры этой пожилой юпикской пары, и также довольно быстро сблизил всех нас. Я был в положении служителя для этой пары, однако богослужebное последование произвело впечатление на всю их семью и также преобразило меня. В центре этого действия были Мария и Яков, и когда я смотрел на их лица и тела, возвещавшие столь спокойную и радостную веру в приобщении Телу Христову, постепенно мне открылось, насколько совершение этого таинства целостно связано с жизнью их самих и всей их семьи. С нетерпением я ждал встречи с ними каждый вечер. Их домик находился неподалеку от храма, однако в тот год этот краткий отрезок стал на удивление длинным из-за неумолимого штормового ветра, приносившего снег с дождем и превращавшего землю в ледяную корку. Резкие порывы набравшего силу бурана раз за разом сковывали меня по рукам и ногам, и в такой гололед я едва мог удержаться на ногах, временами чуть не падая навзничь. Вечер за вечером, пробиваясь сквозь снежные заносы и вьюгу, доведенный до полного изнеможения, когда вокруг лишь тьма и ветер завывает в ушах, я задавался вопросом: что, ради всего святого, я здесь делаю? И постепенно, от раза к разу, ответ стал очевиден: это и есть жизнь Благостия, и верный Своему слову Христос — Тот, Кто уже прошел этим путем, будет ждать и встречать меня в людях, глубоко осознавших свою потребность в Боге. Эта потребность — нищета духа этих людей, их доверие — пробудили во мне жажду быть со Христом — и тем самым с ними, и ведь я никогда не смог бы самостоятельно до такого додуматься.

За пару дней до Рождества мне позвонил Павел и сообщил, что его мать хочет пригласить меня отобедать вместе с ней, Яковом и с двумя другими ее сыновьями. Я приехал около полудня, в ясный день, и застал одну из ее невесток, которая готовила трапезу, а Мария давала ей советы. Постепенно я осознал, что предстоящее событие было не только актом гостеприимства в канун Рождества, но так Яков и Мария передавали домашний уклад и обычаи следующему поколению. В какой-то момент Павел рассказал в подробностях, как его отец Яков терпеливо обучал своих сыновей посредством историй и примером собственной жизни. Я решил, однако же, сказать Марии и Якову через Павла, который нам переводил, о том, что созрело во мне: как за последнюю неделю они

стали для меня великими наставниками и образцом деятельной веры в евхаристического Христа и как их приобщение Святым таинствам послужило испытанию и вдохновению моей веры. Со слезами на глазах Мария ответила, что всю свою жизнь с юности, со времени обучения в старой местной школе при католической миссии, она всегда думала о священниках и сестрах-монахинях как о людях, у которых ей надлежит учиться. Она и представить себе не могла, что услышит от одного из них, как он называет ее своим учителем. Я лишь кивал и улыбался.

Эту историю я рассказал Марии в ответ на подступившее к ней горе, чувство одиночества и скорбные мысли из-за недавних потерь и охватившей ее телесной немощи. Я старался быть кратким и сосредоточился на свидетельстве о ее вере, столь важном для меня. Я был убежден, что и премудрость Божья, и определенные Им времена и сроки непостижимы для нас, и потому нет никаких сомнений в том, что у Марии по-прежнему остается предназначение в этом мире, в ее семье, в деревне и приходе, среди тех людей, которые навещают ее и вспоминают в своих молитвах. „Ее призвание, — сказал я Марии тогда, — заключается в ее старшинстве по отношению к нам, в примере целостной веры, которая лежит в основании всей ее жизни; для многих она является источником вдохновения и утешения благодаря тому, что с ней связано столько воспоминаний и живого участия“. В ее глазах я прочитал согласие, и Мария тихо и ясно улыбнулась мне в ответ, повторив слова благодарности на своем родном языке.

Никто не решался заговорить, и я заметил, что час уже поздний, а мы еще не приобщились Святым дарам. Мария попросила, чтобы вначале я совершил с ней таинство покаяния, и мы удалились для исповеди в одну из дальних комнат, после чего члены семьи собрались для причащения. Уходя, я спросил Павла, сколько времени прошло с тех пор, как над Марией совершалось таинство помазания больных... Я был убежден: сейчас время благоприятствует, чтобы совершить над ней вновь это таинство, если она воспримет его не как предсмертный обряд, но как помазание ради ее поддержки в физической немощи и укрепления в новых духовных испытаниях. Павел тотчас кивнул — он понял, что я имел в виду, добавив, что ему известно богословие и практика церковных таинств после реформ II Ватиканского собора, поскольку он проходил катехизацию. Павел позже посоветовался с Марией, и вот, мы с нетерпением ожидали ее соборования в дни Страстной седмицы».

Требует ли этот рассказ пояснений и толкований, или он в достаточной степени выявляет, какова же в молящейся Церкви роль мирян?

VII. Заключение

Что говорит нам «повествовательное богословие» о роли мирян в Церкви? Заключение видится весьма простым и очевидным. Я неустанно пытаюсь объяснить в своих бесчисленных публикациях о литургии: цель литургии — не претворить хлеб и вино во Христа, но претворить и вас, и меня в мистическое Тело Христово, дабы пережитое нами мы смогли затем выразить в *литургии после литургии*, претворяя нашу обыденную жизнь в ту подлинную реальность, с которой мы соприкоснулись через обряд — как образ того, какими нам должно быть. Именно это и иллюстрируют рассказанные выше две истории, пережитые и так трогательно и здорово изложенные священниками-иезуитами: Брюсом Морриллом, О. И., из Америки и Станиславом Элла, О. И., из Индии.

Вот она — роль мирян в Церкви, как и роль в Церкви всех и каждого из нас. Ибо все мы вместе — клирики, монашествующие, миряне — суть единый Народ Божий, который и есть Святая Христова Церковь.

Перевод выполнен по изданию: Taft R. F., S. J. What is the role of the laity in the Church? The laity are the Church! // Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata. 2014. III s. V. 11. P. 179–198.

Перевод Зои Дашевской

Источники

1. *Апостольские постановления* = Апостольские постановления. Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. 240 с.
2. *Документы* = Документы II Ватиканского собора. Москва : Паолине, 2004. 710 с.
3. *Послание Варнавы* = Послание апостола Варнавы // Писания мужей апостольских. Москва : Изд. совет РПЦ, 2008. С. 87–115.
4. *Apostolic Fathers* = The Apostolic Fathers : Greek Texts and English Translations // Ed. M. W Holmes. 3rd ed. Grand Rapids, MI : Baker Academic, 2007. XXV, 801 p.

5. *Clément (SC)* = Clément de Rome. Épitre aux corinthiens / Ed. A. Jaubert. Paris : Éditions du Cerf, 1971. 276 p. (SC; v. 167).
6. *Constitutions (SC)* = Les Constitutions apostoliques / Ed. M. Metzger. T. I. Paris : Éditions du Cerf, 1985. 364 p. (SC; v. 320).
7. *Euseb. Com.Psalm.* = [Евсевий Кессарийский. Комментарий на псалом 64] // PG 23: Eusebii Pamphili. Commentaria in Psalmos. Parisiorum [France] : J.-P. Migne, 1857. Col. 623–647.
8. *Chrys. Hom. I Tim.* = S. P. N. Joannis Chrysostomi. Homiliae XVIII in Epistolam primam ad Timotheum. [Иоанн Златоуст, свт. Толкование на 1 Тим] // PG 62. Parisiorum [France] : J.-P. Migne, 1862. Col. 501–598.
9. *Chrys. Be proph. obsc.* = S. P. N. Joannis Chrysostomi. Homiliae II de prophetiarum obscuritate [Иоанн Златоуст, свт. О неясности пророчеств] // PG 56. Parisiorum [France] : J.-P. Migne, 1862. Col. 163–192.

Литература

1. *Bouyer* = Bouyer L. Eucharist : Theology and Spirituality of the Eucharistic Prayer. Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1968. XII, 484 p.
2. *Dix* = Dix G. The Shape of the Liturgy. London : Dacre Press, 1945. XIX, 764 p.
3. *Faivre* = Faivre A. Naissance d'une hiérarchie : Les premières étapes du cursus clérical. Paris : Beauchesne, 1977. 443 p. (Théologie historique; v. 40).
4. *Mitchell* = Mitchell N. Mission and Ministry : History and Theology in the Sacrament of Order. Wilmington, DE : Michael Glazier, 1982. 317 p. (Message of the Sacraments; 6).
5. *Morrill 2009* = Morrill B. Divine Worship and Human Healing : Liturgical Theology at the Margins of Life and Death. Collegeville, MN : Liturgical Press, 2009. XII, 274 p.
6. *Morrill 2012a* = Morrill B. Anointing as Pastoral-Sacramental Ministry to the Sick // Catholics: A Sacramental People. Boston, MA : Boston College, 2012. P. 13–15. (G21 Resources; Spring 2012).
7. *Morrill 2012b* = Morrill B. Encountering Christ in the Eucharist: The Paschal Mystery in People, Word, and Sacrament. New York : Paulist Press, 2012. VII, 134 p.
8. *Pavrd* = Pavrd van de F. Zur Geschichte der Meßliturgie in Antiocheia und Konstantinopel gegen Ende des vierten Jahrhunderts : Analyse der Quellen bei Johannes Chrysostomos. Roma : Pont. Institutum Orientalium Studiorum, 1970. XXX, 572 p. (OCA; v. 187).
9. *Potterie* = Potterie de la I., L'origine et le sens primitif du mot "laïc" // Nouvelle Revue Théologique. 1958. N. 80. P. 840–853.
10. *Taft, Sevchenko* = Taft R. F., Sevchenko N. P. Synaxarion // ODB. 1991. V. 3. Col. 1341.

11. *Taft 1986* = Taft R. F. The Liturgy of the Hours in East and West : The Origins of the Divine Office and its Meaning for Today. Collegeville, MN : Liturgical Press, 1986. 421 p. (2nd revised edition: Collegeville, 1993).
12. *Taft 2002* = Taft R. F. Toward the Origins of the Small Omophorion // *Ecclesiam edificans. A 70 éves Keresztes Szilárd püspök köszöntése / Ed. I. Ivancsó. Nyíregyháza : St. Athanasius Greek-Catholic School of Theology, 2002. P. 25–37.*
13. *Taft 2004* = Taft R. F. The Case of the Missing Vestment : The Byzantine Omophorion Great and Small // *Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata. 2004. III s. V. 1. P. 273–302.*
14. *Taft 2005* = Taft R. F. Recovering the Message of Jesus. In Memory of Juan José Mateos Álvarez, S.J., 15 January 1917 — 23 September 2003 // *OCP. 2005. V. 71. N. 2. P. 265–297.*
15. *Taft 2008* = Taft R. F. Liturgy: Model of Prayer — Icon of Life : An Orthodox-Catholic Liturgical Retreat. Fairfax, VA : Eastern Christian Publications, 2008. 176 p. (revised with corrections edition: 2011).
16. *Taft 2012* = Taft R. F. From Polemicists to Promoters : The Jesuits and the Liturgical Traditions of the Christian East // *OCP. 2012. V. 78. N. 1. P. 97–132.*
17. *Velkovska* = Velkovska E. Libri liturgici bizantini // *Scientia Liturgica : Manuale di liturgia / Ed. A. J. Chupungco. V. 1 : Tempo e spazio liturgico. Casale Monferrato : Piemme, 1998. P. 243–258.*

Список сокращений

ККЦ	Катехизис католической церкви
О. И.	Общество Иисуса (орден иезуитов)
<i>Clem. Rom. Ep. I ad Cor.</i>	Климент Римский. I Послание к Коринфянам
<i>Const. Apost.</i>	Апостольские постановления
<i>Ign. Ep. ad Eph.</i>	Игнатий Антиохийский. Послание к Ефессянам
<i>Ign. Ep. ad Magn.</i>	Игнатий Антиохийский. Послание к Магнезийцам
<i>Ign. Ep. ad Philad.</i>	Игнатий Антиохийский. Послание к Филадельфийцам
<i>Ign. Ep. ad Smyrn.</i>	Игнатий Антиохийский. Послание к Смирнянам
OCA	Orientalia Christiana Analecta
OCP	Orientalia Christiana Periodica
ODB	Oxford Dictionary of Byzantium
OSB	Орден св. Бенедикта

PG	Patrologiae. Series Graeca
PIO	Папский Восточный институт, Рим
SC	Sources chrétiennes
<i>Euseb. Com. in Psalm.</i>	Евсевий Кессарийский. Комментарии на ПСАЛМЫ

R. F. Taft

What is the Role of the Laity in the Church? The Laity are the Church!

The question of the role of the laity in the Church, in and of itself, requires clarification insofar as the laity are the very essence of the people of God; they are not only in the Church — they are the Church. All divisions between clergy and laity in Church History are relatively late innovations, as this paper seeks to demonstrate. Neither New Testament texts nor early Christian sources show evidence of the separate category of “laity”, as a definition of non-clerics, who do not have a calling to the special liturgical ministries. All members of the church gathering are together the essence of the people of God (ὁ λαὸς τοῦ Θεοῦ) — a phrase used to describe all those in the gathering, whether or not they have been assigned a particular ministry in the Church. Even the word “laity” presents us with a terminological difficulty, insofar as it does not have a clear terminological equivalent in Russian (the term “laiki” only partially conveys the meaning and when we designate people within the Church who do not have a specific church or liturgical ministry as “miryanje”, we are specifically accenting their tendency to associate themselves only with “this world”, understanding them as “people who are concerned with the interests and needs of this world”). This author of this paper seeks to demonstrate that for any faithful member of the people of God, it is his or her service to the church — according to his or her spiritual gifting and related ministry, that bears witness to full membership. The genre of “Story Theology” is of particular significance here, alongside early Christian sources and modern church documents. The narrative of “Story Theology” allows us to reveal the path of faith and simple people’s desire to sanctify their lives before God, while retaining their faithfulness to their Christian calling. Their real life witness to the deep and transformative power of God’s action reveals to us, in the opinion of Archimandrite Robert Taft, the actual place that faithful members of the people of God who are designated as “lay” members hold in the history of Church sanctity and witness to Christ in the world.

KEYWORDS: Liturgics, ecclesiology, laity, people of God, lay people, clerics, church fellowship, prayer, Eucharist, Story Theology.

References

SOURCES

1. *Apostol'skie postanovleniia* [Apostolic Constitutions]. Sergiev Posad : Sviato-Troitskaia Sergieva Lavra Publ., 2006 (in Russian).
2. *Dokumenty II Vatikanskogo sobora* [Documents of the II Vatican Cathedral]. Moscow : Paoline Publ., 2004 (in Russian).
3. Eusebii Pamphili (1857). "Commentaria in Psalmos", in *PG*, v. 23, Parisiorum [France] : J.-P. Migne, col. 623–647.
4. Holmes M. W. (ed.) (2007). *The Apostolic Fathers : Greek Texts and English Translations*, 3rd ed. Grand Rapids, MI : Baker Academic.
5. Jaubert A. (ed.) (1971). *Clément de Rome. Épitre aux corinthiens*. Paris : Éditions du Cerf (SC; v. 167).
6. Metzger M. (ed.) (1985). *Les Constitutions apostoliques*, v. I. Paris : Éditions du Cerf (SC; v. 320).
7. "Poslanie apostola Varnavy" ["Letter of Barnabus"], in *Pisaniia muzhei apostol'skikh* [The Writings of the Apostolic Fathers], Moscow : Izd. sovet RPTs, 2008, pp. 87–115 (in Russian).
8. S. P. N. Joannis Chrysostomi (1862). "Homiliae XVIII in Epistolam primam ad Timotheum", in *PG*, v. 62. Parisiorum [France] : J.-P. Migne, col. 501–598.
9. S. P. N. Joannis Chrysostomi (1862). "Homiliae II de prophetiarum obscuritate", in *PG*, v. 56. Parisiorum [France] : J.-P. Migne, col. 163–192.

LITERATURE

1. Bouyer L. (1968). *Eucharist : Theology and Spirituality of the Eucharistic Prayer*. Notre Dame : University of Notre Dame Press.
2. Dix G. (1945). *The Shape of the Liturgy*. London : Dacre Press.
3. Faivre A. (1977). *Naissance d'une hiérarchie : Les premières étapes du cursus clérical*. Paris : Beauchesne. (Théologie historique; v. 40).
4. Mitchell N. (1982). *Mission and Ministry : History and Theology in the Sacrament of Order*. Wilmington, DE : Michael Glazier. (Message of the Sacraments; 6).
5. Morrill B. (2009). *Divine Worship and Human Healing: Liturgical Theology at the Margins of Life and Death*. Collegeville, MN : Liturgical Press.
6. Morrill B. (2012). "Anointing as Pastoral-Sacramental Ministry to the Sick", in *Catholics: A Sacramental People*, Boston, MA : Boston College, pp. 13–15. (G21 Resources; Spring 2012).
7. Morrill B. (2012). *Encountering Christ in the Eucharist: The Paschal Mystery in People, Word, and Sacrament*. New York : Paulist Press.

8. Potterie de la I. (1958). "L'origine et le sens primitif du mot "laïc". *Nouvelle Revue Théologique*, 1958, n. 80, pp. 840–853.
9. Taft R. F., Sevcenko N. P. (1991). "Synaxarion". *ODB*, 1991, v. 3, col. 1341.
10. Taft R. F. (1986). *The Liturgy of the Hours in East and West : The Origins of the Divine Office and its Meaning for Today*. Collegeville, MN : Liturgical Press. (2nd revised edition: Collegeville, 1993).
11. Taft R. F. (2002). "Toward the Origins of the Small Omophorion", in Ivancsó I. (ed.) *Ecclesiam edificans. A 70 éves Keresztes Szilárd püspök köszöntése*, Nyíregyháza : St. Athanasius Greek-Catholic School of Theology, pp. 25–37.
12. Taft R. F. (2004). "The Case of the Missing Vestment : The Byzantine Omophorion Great and Small". *Bollettino della Badia Greca di Grottaferrata*, 2004, III s, v. 1, pp. 273–302.
13. Taft R. F. (2005). "Recovering the Message of Jesus. In Memory of Juan José Mateos Álvarez, S.J., 15 January 1917 — 23 September 2003". *OCP*, 2005, v. 71, n. 2, pp. 265–297.
14. Taft R. F. (2008). *Liturgy: Model of Prayer — Icon of Life : An Orthodox-Catholic Liturgical Retreat*. Fairfax, VA : Eastern Christian Publications. (Revised with corrections edition: 2011).
15. Taft R. F. (2012). "From Polemicists to Promoters : The Jesuits and the Liturgical Traditions of the Christian East". *OCP*, 2012, v. 78, n. 1, pp. 97–132.
16. Velkovska E. (1998). "Libri liturgici bizantini", in Chupungco A. J. *Scientia Liturgica : Manuale di liturgia*, v. 1 : *Tempo e spazio liturgico*, Casale Monferrato : Piemme, pp. 243–258.